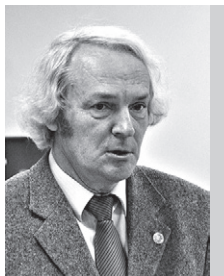

УДК 101.8
DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.8697

ПРОЕКТИВНАЯ ЭСТЕТИКА КАК НОВЫЙ ДИСКУРС*

Орлов Борис Викторович,

Уральский федеральный университет,
кафедра истории философии,
философской антропологии, эстетики и теории культуры,
кандидат философских наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: bvo51@rambler.ru

Аннотация

Проблема «проективной эстетики» берется как вариант праксиса современной эстетики, ее «эстетической вовлеченности». Используются методологии нового типа: «шизоанализ», «концептивизм», проективизм. Проводится мысль об особой функциональной направленности эстетики – ее эстетизации и артификации – и, более конкретно, в случаях преподавания эстетики.

Ключевые слова:

проективная эстетика, ризома, концептивизм, культуроника, образовательные проекты в эстетике, глоссарий философии современной художественности.

Проективная эстетика

В современной эстетике сложилась ситуация, когда прежние методологии, хотя и существуют по-прежнему (аналитика, систематика, герменевтика и деконструкция), но отстают от схватывания ситуации темпоральности культуры и искусства, от тех новаций, которые повседневно возникают здесь-и-сейчас. Эти вызовы современности нуждаются не столько в оценке, сколько в новом теоретическом видении, причем, практически ориентированном.

Можно было бы продолжить заниматься собственно теоретической эстетикой, тем более что это очень важная тема для уточнения имеющихся эстетических

* Исследование профинансировано Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ) № 18-011-00977 («Кластерная культура: исследовательские стратегии и философская аналитика»).

понятий в их перспективном развитии, вплоть до создания новых, причем неизвестно каких – в зависимости от особенностей многообразного эстетического и художественного опыта в его актуальном значении. Но это скорее, в основном теория, хотя и продвинутая в сторону специфичности феноменов эстетического и художественного как предмета эстетики, но в рамках все же теории. Мы пойдем несколько иным путем, имея в виду праксис современной эстетики, то есть ее проективность. В этой связи нами вводится понятие «*проективная эстетика*» [9; 10; 12], при этом важна не столько его концептуальная маркировка, сколько тренд в сторону схватывания особенностей *нового дискурса*. Под *дискурсом* в данном случае понимается вся сумма «говорений» на философско-эстетические темы в аспекте «эстетической вовлеченности» в праксис повседневности [16; 17; 19].

Отметим то, что представляет здесь новый теоретико-методологический контекст, лежащий в основе дискурса.

Во-первых, то, что было сделано *Делёзом и Гваттари*, в их же терминологии может быть названо «шизоанализом» [1; 2, с. 14]. Не вдаваясь во все подробности их «*шизоэстетики*», возьмем, пожалуй, главное – «принцип ризомы». Речь идет о «корневище», из которого реально все произрастает, а не из корня властных структур. «Не будите в себе Генерала!» – этот слоган из знаменитого эстетического манифеста гениальных французов противостоит креативности ризоматического соединения «осы-и-орхидеи», когда появляется новое качество (подчеркнем, именно благодаря ризоме – через сплетение с миром в его корневище – структура становится гибкой, выходя на уровень пост- и, что более важно, транс-структурности). Властная жесткость омертвляет, побег из (от) жесткой структуры («линия побега» по Делёзу – Гваттари) дает ему жизнь. Ризома ризоматична в своем существе, порождаящем и новую сущность, не существовавшую до того [11].

Во-вторых, нужно принять во внимание значимость *концептивистской методологии*: «Концептивизм... – философия «зачинающих понятий», конструктивная деятельность мышления в области концептов и универсалий. Как и конструкционизм, концептивизм признает «конструктность», концептуальную заданность «реальности», но ставит своей задачей не критику и демистификацию этих конструктов, а творческое их порождение, создание множественных моделей возможных миров, познавательных и общественных практик... Концептивизм открывает новую эпоху мышления, которая наследует кантовскому критицизму и вместе с тем выходит за рамки тех «критических» функций, которыми в значительной степени ограничила себя послекантовская философия, особенно. Если критицизм ограничивает пределы теоретического разума, то концептивизм исходит изнутри этих пределов – и переступает их, заново...» [14]. Данность современной гуманитаристики можно представить через творчество новых концептов, которые и задают понимание специфики современности, и тем самым предопределяют ее будущее. В интересующей нас теме проективной эстетики определяющими становятся, например, концепты системы «открытого» типа, так же, как и «digital on line» и др., о чем более конкретная речь впереди.

В-третьих, и это самое главное, важно мыслить *проективно*. Учитывая кардинальную смену вектора современной культуры в сторону, противоположную Пост-Пост-Пост, то есть в сторону *протеизма*, М. Эпштейн в своем

«Проективном философском словаре» говорит о важности *проективизма* современного гуманитарного дискурса, разделяет современную *культурологию и культуронику*: Культуроника – это «...конструирование новых форм действия в культуре, новых техник общения и познания, новых моделей восприятия и творчества. Если культурология мыслит **проекциями** – преломлениями предметов в знаковых системах разных культур, то культуроника мыслит **проектами**, т. е. знаковыми системами, которые еще не стали практиками и институциями какой-либо культуры и образуют план возможных трансформаций всего культурного поля» [14].

То есть проблему праксиса может решить, как нам кажется, то, что может быть названо (в духе концептивизма) «интеллектуальным дизайном». Речь идет о проектировании и соответствующей методологии, когда доминантным становится мышление проектами и конструирование реальности на этой основе. Но дизайн здесь – не техника (хотя и она важна), более значимы экзистенциальные проекты бытия, которые могут возникнуть на технической основе. Понятно, что, например, сеть Интернет в данном случае не является креативной сама по себе, в чем мы не раз убеждались, занимаясь в основном коммуникацией *par excellence*.

Итак, именно *проективность* применительно к эстетике позволяет понимать ее *практически*, то есть в аспекте «эстетической вовлеченности» [16; 17; 18; 19; 20], в отличие от классической *эстетической незаинтересованности и аналитики* Канта [6]. В этой связи *Арнольд Берлиант*, исходя в основном из *прагматики* Д. Дьюи [20], обратил внимание на включенность эстетического опыта в человеческую повседневность и ее потенциал в этой связи [16; 17; 19].

Мысль о том, что интерес к праксису сейчас особенно важен для нашей эстетики, выявилась не только в результате вдумчивого анализа того, что сейчас особенно актуально в сфере методологий, но и самой предметности эстетики, интерпретация которой напрямую зависит от ее функциональности.

То есть наш подход выглядит вот так: *функции, структура, система*, а не наоборот, если следовать традиционной логике системного подхода. Но дело даже не в этом, а в концепте «открытая система», благодаря которой все и меняется местами, и когда *ризома, концептивизм и проективизм* работают в новой системе. Здесь важнее всего оказывается *ризоматичность бытия*, исходя из которой концептивизм, а рядом с ним и проективизм оказываются самыми главными в придании особого статуса «функциональности», а точнее ее переводу в состояние придания ей того, что может быть названо «*протеистичностью*» (М. Эпштейн) и связанной с ней темой проективной эстетики.

Если обратиться сейчас к истории эстетики, то здесь главным остается не вопрос ее предметности, и даже не методологии, но вопрошание о том, а зачем нужна эстетика? Пока не вдаваясь во все подробности этой непростой истории, выдвинем гипотезу, согласно которой, если предметность эстетики должна в каком-то продвинутом варианте совпадать с ее переходом в вариант праксиса, то получается так, что ее сосредоточенность на *эстетическом и художественном* задает ее основной тренд функциональности. В этой связи, главным с точки зрения ее предназначения остается *эстетизация и артификация бытия* на каком-то ином его уровне, но в непосредственной связи с эстетическим и ху-

дожественным. Если под эстетическим и художественным понимать весь опыт этого типа (experience), то под *эстетизацией и артификацией* можно понимать то, что способствует хотя бы тому, чтобы сделать этот опыт смысло-жизненным, причем в уникальном, индивидуальном, подлинном, свободном, то есть в стратегии экзистенциального модуса бытия. Проблема проективности нашего бытия решается только нами самими же, когда мы сами хотя бы пытаемся не столько найти смысл нашей жизни, сколько предложить решение, обладающее эстетической и художественной проективностью бытия.

Любой философствующий на эстетические темы уже находится, вольно или невольно, в этом *дискурсе*, когда главным для него будет не только вопрос, что такое красота или что такое искусство, а их ведь «нет» (если не брать архаику теоретических споров о множественности их практик), но как привнести, например, красоту или художественность в свою собственную жизнь а, значит, и в жизнь вообще, как соединить индивидуально данное тебе, и только тебе по факту твоей собственной уникальности, со Становлением Бытия (если по Хайдеггеру) или с Потоком Творения Бытия (если по «И-Цзин»)?

То есть мы здесь опять, как и в случае спецификации эстетического и художественного, выходим на проблему нашей маргинальности (нашей заброшенности в мир) и того, что с этим делать. Метафизика и Постметафизика, в принципе, говорят о том же самом – о маргинальности и трансмаргинальности, если к этому подходить более жизненно, а не философски только – речь идет о принципе предельных оснований и о том, что за ними, то есть о «границе» нашего бытия, в которой все и происходит, «безграничье границы» и «граница безграничья», *ad marginem et transmarginem*.

Для нас наибольшей значимостью обладает вопрос о критериях того, что является *эстетизацией и артификацией* как предельности смысла, связанного с философствованием об «эстетическом прочтении» нашего бытия. Если проще, то речь идет о том, для чего – в пределе – они нужны в праксисе и что нужно с ними делать такое, чтобы они позволяли осуществлять практический переход из ранга теории в ранг праксиса, то есть в «задействованную эстетику» (это другой возможный перевод тезиса А. Берлианта).

По всей видимости, предельный эстетический смысл нашего бытия находится в *удовольствии (вкусании)*, а художественный смысл состоит в *инобытийствовании (потенциации)*, их отсутствие означает отсутствие смысла – бессмысленность, лишённую перспектив дальнейшего становления бытия, то есть его отчужденность. И значит, собственный смысл *эстетизации и артификации* состоит в том, чтобы насытить нашу жизнь их максимумом (или хотя бы минимумом) в этой практической связи, причем за счет особенностей своей персональной активности. Эстетически вкушать и потенцировать бытие и есть особая функциональность эстетики проективизма.

Эстетика проективизма предполагает ряд проектов, как относящихся к сфере теории, так и к самым реальным проектам. Эстетика окружающей среды [13; 15], сомаэстетика [29], искусство жизни [21], актуальные арт-практики [12; 22; 23], медиаэстетика [7] и т.д. предполагают наличие таких теорий, которые бы явно провоцировали создание *эстетизации и артификации* в самой реальной жизни, а не только максимально миметизировали бы ее в своих

теоретических экскурсах, которые, конечно же, все более точно оказываются синхронными происходящему сейчас – и в мире (культурном), по верному замечанию М.С. Кагана, речь идет об «эстетосфере» [4; 5], да и в самой современной эстетике тоже.

Эстетизация и артификация (если благозвучнее, то *эстезис-и-артезис* во взаимосвязи и, прежде всего, в их онтологической данности) предполагают экзистенциальное проектирование, так сказать, «эстетический дизайн», который и будет «финальным проектом» в ситуации здесь-и-сейчас реального философствования «на эстетические темы» для того, кто конкретно находится в этом опыте. Тема «финального проекта» очень важна и распространяет тему «изначального проекта» (Сартр) в сторону будущего, «финалом» здесь оказывается то, что ты можешь сейчас делать, осуществляя трансформации своего бытия на основе своей экзистенции, своего «изначального проекта». Это попытка сделать свое реальное предложение в аспекте выхода и за маргинальные пределы (трансгрессия) в сторону создания символической реальности (и это не только культура, трактуемая как эстетосфера, скорее, речь может идти о транскультуре и о бессознательном (не только о личном или коллективном, но и о «трансперсональном» (С. Гроф) [1])).

Дискурсивность эстетических проектов в преподавании эстетики

Если ближе к праксису, то речь идет о попытках превратить данную тебе в ощущениях реальность в то, что близко именно тебе в качестве *эстетических и художественных смыслов* твоего бытия (*эстезиса-и-артезиса*), то есть в то, что экзистенциально для тебя значимо, в то, как ты *хотел бы*, эстетически трансформируя свое бытие, ощущая *вкус-и-возможности* жизни.

Далее я не буду брать все реализованные проекты, остановлюсь лишь на том, что связано с темой преподавания эстетики – с ее праксисом в образовательных проектах. Речь идет о переводе интенции в проект, то есть об ее эстетической трансформации.

Творческое задание, которое мною предлагалось студентам – философам, было рассчитано не только на их представления о красоте, фундированные философски, а на рассказ, как минимум, об опыте встречи с прекрасным, о его понимании на основе имеющихся теоретических версий, а как максимум – на презентацию своего собственного (реализованного или предполагаемого) *проекта красоты* на основе данных собственного эстетического опыта.

Мои «вопросания» предполагали вариативность ответов, поэтому и «ответствования» студентов были разными. Кто-то пошел по более традиционному пути, и пытался с учетом своего опыта понять то, почему он следует той или иной парадигме, в основном предпочитая объективизм, субъективизм, экзистизм (запомнилось, например, эссе, блестяще написанное, «...о случайном прорыве экзистенции в странном месте и в странное время», о влиянии ситуации смерти (шла речь о похоронах) на появление эстезиса красоты (жены) как ее присутствия-при-бытии в «пограничной ситуации»). Кто-то писал о том, что его творческая работа в компании «ИКЕА» доставляет ему верх удовольствий. Кто-то в большей степени исходил из интертекстуализма, давая свой анализ пред-

ложенных художественных произведений. Кто-то уходил в вариант «осмеяния», кто-то предлагал свой «фэнтези»-проект киберпанка, давая другие версии, более продвинутые в сторону художественного творчества.

Меня же в большей степени интересовали проекты красоты с точки зрения их эстетизации (эстетизации). Здесь, если не брать только то, что в большей степени уходило в сторону артезиса (артификации), например, касалось музыкального воздействия (кто-то открыл свою музыкальную студию, где обучает вокалу и фортепиано детей и взрослых, или сам начал учиться музыке, или начал знакомить других с тем, как обучиться джазу на основе его собственных достижений и навыков), то получалось, что это, в большей степени, связывалось с телесным, гендерным, домом, едой, модой, упаковкой, фотографией (не как искусством), туризмом, созданием сайтов, городской средой, ландшафтным дизайном, энвайронментом.

Один из проектов «телесной» эстетизации (реализованный) состоял в том, что его автор, хрупкая девушка, поведала о том, что сбросила 28 кг веса без всяких дополнительных (медикаментозных) средств за счет желания и воли быть женщиной. К сожалению, рецептура осталась в тайне, но главное было сделано – эстетическая интенция под влиянием проекта трансформировалась в другую реальность, от безобразия – к красоте. Другие проекты (*собственные!*) были еще более интересными, но я не имею возможности их показать из-за формата публикации.

Сейчас больше об *артификации*. И с этим будет связан другой образовательный проект – проект использования потенциала электронного глоссария по философии художественности на сайте glossarya.com, специально созданного для словаря. Здесь студентам и магистрам философского факультета предлагалось задание, также отличающееся креативностью, создать свои статьи для словаря на основе своих представлений о художественности в виде тех концептов, наиболее близких для них в их понимании художественности. Студенты, слушающие спецкурс «Философские проблемы современной художественности», включающий в себя как знакомство с опытом современного искусства, так и его философские интерпретации, были поставлены в ситуацию реального интеллектуального вхождения в праксис (философский) – с возможностью публикации статей в режиме «онлайн» (с учетом концепции словаря и инструкций в этой связи). Можно даже утверждать, что именно они и создают сейчас свое видение художественности как «впервые бытия», прежде всего для самих себя – они пока и составляют основной костяк проекта глоссария.

Есть проекты, уже опубликованные на сайте, другие – всего их более пятидесяти, приблизительно 150 концептов – существуют в версии редакционной. Представленные статьи не только сориентированы в сторону новых концептов художественности, но и преследуют более общую цель – попытку создать свой собственный тезаурус, хотя бы *minimum minimumum*, своей языковой версии современной художественности. И я бы связал это с темой «финального проекта», уже ранее проговоривавшейся. Это попытка заявить о себе в ситуации неопределенности в случае нынешней художественности, попытка дать самому себе отчет в том, что – в целом (вербально, концептивно, тезауросно) – под ней понимается им самим сейчас – «как на духу».

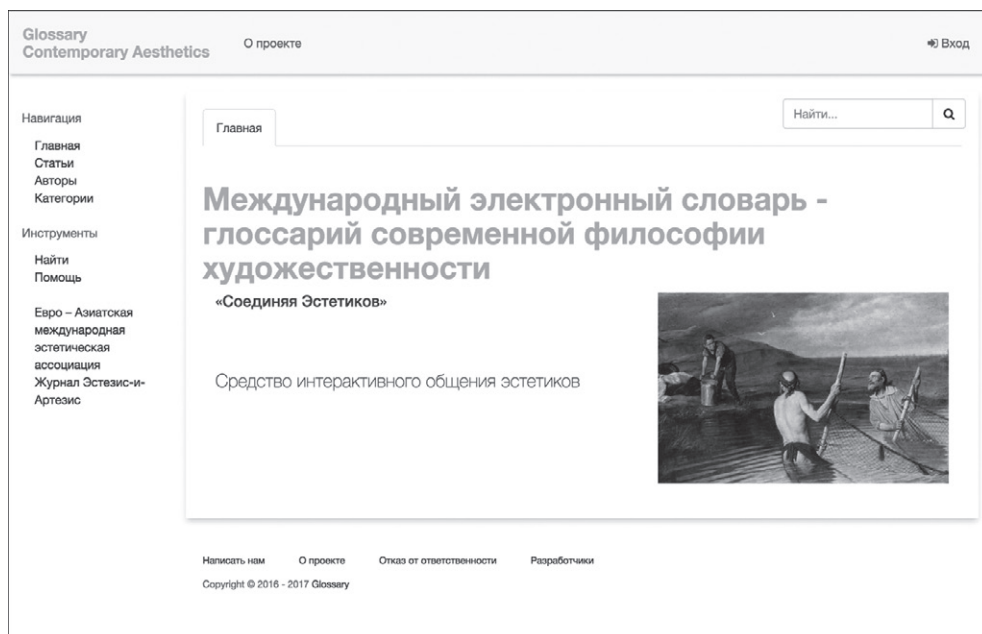

Рисунок 1 – Интерфейс (главная страница) первой версии (2016–2018) сайта словаря – GlossaryA.com.

Возвращаясь к философии, хотел бы попытаться ответить на основной предельный вопрос: а причём тут философия – ведь и так все эстетически делается, даже и у тех, кто и слова «эстетика» не знает?

У Д. Самойлова есть репрезентативная поэма «Цыгановы». В ней речь идет о том, что умирает неизвестный, простой человек, и он перед смертью задает философские вопросы о смысле своего бытия.

«И думал Цыганов:
«Зачем я жил?
Зачем я этой жизнью дорожил?
Зачем работал, не жалея сил?
Зачем дрова рубил, коней любил?
Зачем я пил, гулял, зачем дружил?
Зачем, когда так скоро песня спета?
зачем?»
и он не находил ответа».

И основной ответ, которым и заканчивается его жизнь, таков:

«Неужто только ради красоты
Живёт за поколеньем поколенья –
И лишь она не поддаётся тленью?
И лишь она бессмысленно играет

В беспечных проявлениях естества?...»
И вот, такие обрета слова,
Вдруг понял Цыганов, что умирает...».

Философствование существует латентно и эксплицитно всегда, особенно в пограничной ситуации, интенция эстетическая здесь главная, и она совпадает с бытием.

То, что касается меня, здесь нет сомнений – проективный выход из повседневного бытия (трансгрессия) обозначен моей экзистенциальной концепцией, обосновывается ею и, конечно же, я могу и объяснить то, что происходит в нашем бытии и зачем нужны проекты, сам могу работать с ними. Сложнее случай со студентами. Студенты смогли не просто озвучить свои проекты (вербализация здесь важна), но смогли найти философскую связь между эстетической интенцией – вкушанием (вкусом), потенциацией (инобытийствованием) и праксисом: во всех разработках просматривается это философско-теоретическое начало *Эстезиса (эстетизации) -и- Артезиса (артификации)* в контексте проективной эстетики.

1. Гроф С. Надличностное видение: Целительные возможности необычных состояний сознания. М.: АСТ, 2004. – 237 с.
2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Введение. М.: Астрель, У-Фактория, 2010. – 896 с.
3. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб.: Алетейя, 1998. – 288 с.
4. Каган М.С. О перспективах развития эстетики как философской науки // Серия «Symposium». Эстетика в интерпарадигмальном пространстве: перспективы нового века. Выпуск 16. / Материалы научной конференции 10 октября 2001 г. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – 96 с. С. 4–5.
5. Каган М.С. Философия культуры. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. – 416 с.
6. Кант И. Критика способности суждения. Т. 5 / Собр. соч. в 6 томах. М.: «Мысль», 1966. – 564 с.
7. Медиа: между магией и технологией. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014. – 330 с.
8. Орлов Б. Методологические парадигмы и синтагмы современной эстетики: к проекту словаря по философии художественности // Научный журнал «Дискурс-Пи», № 3–4 (20–21), 2015. Екатеринбург, ИД «Дискурс-Пи», 2015. с. 32–41.
9. Орлов Б. Проективная эстетика: новая теория и методология. К проекту создания портала российской эстетики как медийного кластера / Первый российский эстетический конгресс. 17–19 октября 2018, Санкт-Петербург. Тезисы докладов. СПб.: Российское эстетическое общество, 2018. С. 191–193 (соавт. Петров Е.С.).
10. Орлов Б. Эстетика проективизма в неклассической философии искусства: актуальные арт-практики / *Studia Culturae*. 3 (33) 2017. Научный журнал по культурологии, эстетике и философии культуры. С. 53–60 (соавт. Лисон

вец И.М.).

11. Орлов Б.В. Психозизоаналитический дискурс в современной культуре / Дискурсология: методология, теория, практика. Доклады Второй международной научно-практической конференции, посвященной памяти Жана Бодрийера / под общ. ред. О.Ф. Русаковой. 21 ноября – 14 декабря 2007 г. Т. 1. (Серия «Дискурсология». Вып. 5) – Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2007. С. 60–62.

12. Орлов Б.В. Эстетические проекты красоты в городской среде / Эстетика человеческой среды: VIII Овсянниковская международная эстетическая конференция (ОМЭК VIII). М.: Издательские решения, 2017. С. 146–151 (соавт. Лисовец И.М.).

13. Экологическая эстетика: проблемы и границы. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2014. – 257 с.

14. Эпштейн М. Проективный философский словарь. Новые термины и понятия. Под ред. Г.Л. Тульчинского и М.Н. Эпштейна. Предисл. М.Н. Эпштейна. СПб., Алетейя, 2003. – 512 с. URL: http://www.emory.edu/INTELNET/fs_contents.html (дата обращения: 02.03.2016).

15. Эстетика человеческой среды: VIII Овсянниковская международная эстетическая конференция (ОМЭК VIII). М.: Издательские решения, 2017. – 336 с.

16. Berleant A. Aesthetic engagement / XIX International Congress of Aesthetics. Aesthetics in Action. Book of abstracts. Krakow: LIBRON, 2013. P. 10.

17. Berleant A. Art and Engagement, Philadelphia: Temple University Press, 1991. – 261 p.

18. Berleant A. Sensibility and Sense: The Aesthetic Transformation of the Human World. Exeter: Imprint Academic, 2010. P. 274–306.

19. Berleant A. The Aesthetics of Environment. Philadelphia: Temple University Press, 1992. – 256 p.

20. Dewey J. Art as experience. Library of Congress Catalog. New York: First Perigee Printing, 1980. – 355 p.

21. Dziemidok B. Filozofia sztuki. Lyblin: Wydawnictwo UMCS, 2017. – 164 s.

22. Lisovets I. Contemporary art and modern aesthetics: urban art practices / Revisions of Modern aesthetics: international scientific conference proceedings. University of Belgrade – Faculty of Architecture. Belgrade, 2015. P. 100–101.

23. Milani R. The art of the city. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2017. – 184 p.

24. Orlov Boris. Communicative trend of contemporary aesthetics: problem of the glossary / XX International Congress of Aesthetics. Proceedings of ICA 2016 “Aesthetics and Mass Culture”, Abstract Book: Seoul National University, 2016. P. 251–254.

25. Orlov Boris. Methodological paradigms of contemporary aesthetics and projective philosophy of art / Revisions of modern aesthetics: international scientific conference proceedings. University of Belgrade – Faculty of Architecture. Belgrade, 2015. P. 285–29.

26. Orlov Boris. Project of the International Electronic Dictionary /

XX International Congress of Aesthetics. Proceedings of ICA 2016 “Aesthetics and Mass Culture” Abstract Book: Seoul National University, 2016. P. 65.

27. Orlov Boris. Projective Aesthetics as the Possible World / XXI International Congress of Aesthetics. Possible worlds of contemporary aesthetics: aesthetics between history, geography and media. July 22–26, 2019, Belgrade, Serbia / Abstract book. Belgrade, 2019.

28. Orlov Boris. The Projective aesthetics of Beauty / Understanding Beauty and Ugliness, 2016. Interdisciplinary Conference on Art Theory and Philosophy 11–12 November 2016. Proceedings Book. Mahmutpasa / Istanbul, Turkey, 2016. P. 135–138.

29. Shusterman R. Somaesthetics // XIX International Congress of Aesthetics. Aesthetics in action. Book of abstracts. Krakow: LIBRON, 2013. P. 11.

References

1. Grof S. Nadlichnostnoe videnie: Celitel'nye vozmozhnosti neobychnyx sostoyanij soznaniya. M.: AST, 2004. – 237 s.

2. Delyoz Zh., Gvattari F. Tsyacha plato. Kapitalizm i shizofreniya. Vvedenie. M.: Astrel', U-Faktoriya, 2010. – 896 s.

3. Delyoz Zh., Gvattari F. Chto takoe filosofiya? SPb.: Aletejya, 1998. – 288 s.

4. Kagan M.S. O perspektivax razvitiya e'stetiki kak filosofskoj nauki // Seriya «Symposium». E'stetika v interparadigmal'nom prostranstve: perspektivy novogo veka. Vypusk 16. / Materialy nauchnoj konferencii 10 oktyabrya 2001 g. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo, 2001. – 96 s. S. 4–5.

5. Kagan M.S. Filosofiya kul'tury. SPb.: TOO TK «Petropolis», 1996. – 416 s.

6. Kant I. Kritika sposobnosti suzheniya. T. 5 / Sobr. soch. v 6 tomax. M.: «Mysl'», 1966. – 564 s.

7. Media: mezhdru magiej i texnologiej. Moskva; Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj, 2014. – 330 s.

8. Orlov B. Metodologicheskie paradigmy i sintagmy sovremennoj e'stetiki: k proektu slovarya po filosofii xudozhestvennosti // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi», № 3–4 (20–21), 2015. Ekaterinburg, ID «Diskurs-Pi», 2015. s. 32–41.

9. Orlov B. Proektivnaya e'stetika: novaya teoriya i metodologiya. K proektu sozdaniya portala rossijskoj e'stetiki kak medijnogo klastera / Pervyj rossijskij e'stetcheskij kongress. 17–19 oktyabrya 2018, Sankt-Peterburg. Tezisy dokladov. SPb.: Rossijskoe e'stetcheskoe obshhestvo, 2018. S. 191–193 (soavt. Petrov E. S.).

10. Orlov B. E'stetika proektivizma v neklassicheskoj filosofii iskusstva: aktual'nye art-praktiki / Studia Culturae. 3 (33) 2017. Nauchnyj zhurnal po kul'turologii, e'stetike i filosofii kul'tury. S. 53–60 (soavt. Lisovec I.M.).

11. Orlov B.V. Psixoshizoanaliticheskij diskurs v sovremennoj kul'ture / Diskursologiya: metodologiya, teoriya, praktika. Doklady Vtoroj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashhennoj pamyati Zhana Bodriyara / pod obshh. red. O.F. Rusakovoj. 21 noyabrya – 14 dekabrya 2007 g. T. 1. (Seriya «Diskursologiya». Vyp. 5) – Ekaterinburg: Izdatel'skij dom «Diskurs-Pi», 2007. C. 60–62.

12. Orlov B.V. E'stetcheskie proekty krasoty v gorodskoj srede / E'stetika chelovecheskoj srede: VIII Ovsyannikovskaya mezhdunarodnaya e'stetcheskaya konferenciya (OME'K VIII). M.: Izdatel'skie resheniya, 2017. S. 146–151 (soavt. Lisovec I.M.).

13. E'kologicheskaya e'stetika: problemy i granicy. SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo, 2014. – 257 s.

14. E'pshtejn M. Proektivnyj filosofskij slovar'. Novye terminy i ponyatiya. Pod red. G.L. Tul'chinskogo i M.N. E'pshtejna. Predisl. M.N. E'pshtejna. SPb., Aletejya, 2003. – 512 s. URL: http://www.emory.edu/INTELNET/fs_contents.html (data obrashheniya: 02.03.2016).

15. E'stetika chelovecheskoj srede: VIII Ovsyannikovskaya mezhdunarodnaya e'stetcheskaya konferenciya (OME'K VIII). M.: Izdatel'skie resheniya, 2017. – 336 s.

16. Berleant A. Aesthetic engagement / XIX International Congress of Aesthetics. Aesthetics in Action. Book of abstracts. Krakow: LIBRON, 2013. P. 10.

17. Berleant A. Art and Engagement, Philadelphia: Temple University Press, 1991. – 261 p.

18. Berleant A. Sensibility and Sense: The Aesthetic Transformation of the Human World. Exeter: Imprint Academic, 2010. P. 274–306.

19. Berleant A. The Aesthetics of Environment. Philadelphia: Temple University Press, 1992. – 256 p.

20. Dewey J. Art as experience. Library of Congress Catalog. New York: First Perigee Printing, 1980. – 355 p.

21. Dziemidok B. Filozofia sztuki. Lyblin: Wydawnictwo UMCS, 2017. – 164 s.

22. Lisovec I. Contemporary art and modern aesthetics: urban art practices / Revisions of Modern aesthetics: international scientific conference proceedings. University of Belgrade – Faculty of Architecture. Belgrade, 2015. P. 100–101.

23. Milani R. The art of the city. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2017. – 184 p.

24. Orlov Boris. Communicative trend of contemporary aesthetics: problem of the glossary / XX International Congress of Aesthetics. Proceedings of ICA 2016 “Aesthetics and Mass Culture”, Abstract Book: Seoul National University, 2016. P. 251–254.

25. Orlov Boris. Methodological paradigms of contemporary aesthetics and projective philosophy of art / Revisions of modern aesthetics: international scientific conference proceedings. University of Belgrade – Faculty of Architecture. Belgrade, 2015. P. 285–29.

26. Orlov Boris. Project of the International Electronic Dictionary / XX International Congress of Aesthetics. Proceedings of ICA 2016 “Aesthetics and Mass Culture” Abstract Book: Seoul National University, 2016. P. 65.

27. Orlov Boris. Projective Aesthetics as the Possible World / XXI International Congress of Aesthetics. Possible worlds of contemporary aesthetics: aesthetics between history, geography and media. July 22–26, 2019, Belgrade, Serbia / Abstract book. Belgrade, 2019.

28. Orlov Boris. The Projective aesthetics of Beauty / Understanding Beauty

and Ugliness, 2016. Interdisciplinary Conference on Art Theory and Philosophy 11–12 November 2016. Proceedings Book. Mahmutpasa / Istanbul, Turkey, 2016. P. 135–138.

29. Shusterman R. Somaesthetics // XIX International Congress of Aesthetics. Aesthetics in action. Book of abstracts. Krakow: LIBRON, 2013. P. 11.

UDC 101.8

DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.8697

PROJECTIVE AESTHETICS AS THE NEW DISCOURSE

Orlov Boris Victorovich,

Ural Federal University,
Department of the History of Philosophy,
Philosophical Anthropology, Aesthetics and Theory of Culture,
Candidate of Philosophy, Assistant Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: bvo51@rambler.ru

Annotation

Projective aesthetics is taken as the case of aesthetic engagement. The new methodologies are used: physicoschizoanalysis, conceptivism, projectivism. Aesthetization and artification are discussed with the theme of lecturing on aesthetics.

Keywords:

projective aesthetics, aesthetic engagement, rhysonic, culturonic, conceptivism, discourse of lecturing in aesthetics, glossary of projective artistic.